

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.068-073
УДК 903.59

А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева, И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru, easolovievy@mail.ru, gnezdilova06@mail.ru

Направления культурного взаимодействия в эпоху палеометалла (на примере бронзовых ритуальных предметов с территорий Кореи и Японии)

Объект изучения – ритуальные бронзовые изделия, являющиеся уникальным материалом для исследования проблемы культурного взаимодействия населения Кореи и Японии в IV в. до н.э. – III в. н.э. Они служат важным источником информации о направлениях миграций различных групп населения, путях культурного обмена. Начало массового распространения бронзовых ритуальных предметов на Корейском п-ове связано с культурой кинжалов корейского типа, центр которой находился на северо-западе полуострова. В статье приводится подробное описание материалов памятников эпохи палеометалла на Корейском п-ове. В комплексе ритуальных предметов выделены оружие и ритуальные бронзовые изделия. Выявлена связь бронзовых изделий с одиночными погребениями, имеющими сложные конструктивные элементы, что может свидетельствовать о важном социальном статусе погребенных. Появление бронзовых ритуальных предметов, изделий корейского типа в Японии впервые фиксируется на севере о-ва Кюсю в период яёй. В работе дается описание бронзовых ритуальных предметов из памятников этого периода. Установлено, что они были атрибутами ритуальной практики населения Японских о-вов. Выявлены сходства и различия в комплексе бронзовых предметов. На Японских о-вах бронзовые изделия корейского типа находят в погребениях с деревянным саркофагом, в урнах. Анализ литейных форм для изготовления бронзовых узколезвийных кинжалов, втульчатых наконечников копий и клевцов позволил сделать вывод о сложности центра бронзолитейного производства на севере о-ва Кюсю, который специализировался на изготовлении предметов корейского типа. С учетом того, что в погребениях конца периода яёй среди ритуальных бронзовых предметов находят чаще всего зеркала ханьского типа, сделан вывод о тесной связи культурных контактов с миграциями групп населения с материка на о-ве Кюсю.

Ключевые слова: ритуальные бронзовые предметы, палеометалл, Корея, Япония, культурное взаимодействие.

A.L. Nesterkina, E.A. Solovieva, and I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru; easolovievy@mail.ru; gnezdilova06@mail.ru

Cultural Interaction Patterns in the Bronze Age: Ritual Bronze Artifacts from Korea and Japan

This study focuses on ritual bronze items that are very informative for reconstructing cultural ties and migrations between Korea and Japan in 400 BC to 300 AD. Their large-scale introduction to Korea is related to the culture of Korean-type daggers, whose distribution center was located in northwestern Korea. We give a detailed description of Bronze Age artifacts, including weapons and ritual items from that area. They occur mostly in single burials with a complex construction, possibly attesting to high social status. In Japan, Korean-type artifacts first appear in northern Kyushu during the Yayoi age, in burials with wooden coffins and urns. The analysis of molds for casting narrow-bladed daggers, socketed spearheads, and picks suggests that Korean-type items spread from northern Kyushu. Late Yayoi ritual bronze artifacts include mostly mirrors of the Han type, evidently indicating migrations from the mainland.

Keywords: Ritual bronze items, Bronze Age, Korea, Japan, cultural interaction.

Введение

Эпоха палеометалла занимает важное место в истории народов Восточной Азии. В это время в культурах региона появляются первые металлические (бронзовые) изделия. При этом в хозяйстве продолжают использоваться орудия и утварь из камня и кости, технология изготовления которых совершенствуется, а типологический состав расширяется. Бронзовые предметы не получили широкого распространения во всех сферах жизни общества. Из бронзы делали престижную и ритуально-церемониальную атрибутику – оружие, украшения и др. Благодаря специфичному облику бронзовые изделия не утилитарного назначения служат этнокультурными индикаторами. Они позволяют определить маршруты миграций отдельных групп населения и пути культурного обмена.

Начало массового распространения бронзовых ритуальных предметов на Корейском п-ове тесно связано с культурой узколезвийных бронзовых кинжалов или культурой кинжалов корейского типа (IV–I вв. до н.э.) [Ли Чхонгю, 2007, с. 120–124]. Изначально ее центр локализовался на территории Чосона Вимана, в бассейне р. Тэдонган на северо-западе Кореи [Бутин, 1982, с. 259]. Постепенно узколезвийные кинжалы и другие ритуальные бронзовые изделия распространяются на юге полуострова, преимущественно в бассейнах рек Кымган (пров. Чхунчхон-намдо) и Йонсанган (пров. Чолла-намдо) [Хангукса, 1997, с. 61]. Со временем ритуальные предметы культуры узколезвийных кинжалов начинают использоваться и в других частях Восточно-Азиатского региона. Отдельные изделия этой категории найдены на территории российского Приморья [Окладников, Шавкунов, 1960, с. 283; Кан Инук, Чхон Сонхэн, 2003, с. 6–8]. Достаточно много материалов, связанных с бронзовыми ритуальными предметами корейского типа, выявлено на территории Японии. Бронзовые ритуальные предметы являются уникальными источниками информации о ранних контактах населения Корейского п-ова и Японских о-вов.

Бронзовые ритуальные предметы в Корее

Ранние комплексы с бронзовыми ритуальными предметами (IV–III вв. до н.э.) на территории Южной Кореи открыты в бассейне р. Кымган. Один из них – *Кведжондон* – обнаружен в черте г. Тэджон в ходе землеустроительных работ и исследован отрядом Национального музея Республики Кореи в 1967 г. Объект представляет собой частично разрушенное одиночное погребение; каменный ящик размерами 2,2 × 0,5 × 1,0 м, сложенный из аморфных обломков камня, находился в грунтовой яме воронковид-

ной формы (2,5 × 0,73 × 2,7 м). Каменные конструкции дна и перекрытия не зафиксированы. Верхнюю часть заполнения ямы составляют породные обломки – возможно, остатки надмогильной конструкции – каменной насыпи. На дне погребения зафиксирован древесный тлен – вероятно, остатки деревянного саркофага. Комплекс инвентаря погребения включает изделия из керамики, бронзы и камня (см. рисунок, 1). Керамический комплекс составляют вазовидный сосуд с черной лощеной поверхностью и горшковидный сосуд с круглым наlepным валиком на венчике. Ритуальные бронзовые предметы представлены узколезвийным кинжалом, декоративными накладками на рукоять – 3 экз., колокольчиками – 2 экз., гонгом, зеркалами с толстым линейным геометрическим узором – 2 экз. и щитовидным изделием. Найдены также три каменных наконечника стрел и две нефритовые подвески *когок* (*магатама*) [Ли Ынчхан, 1968, с. 76–91].

Аналогичные по составу комплексы инвентаря выявлены на памятниках Намсонри и Тонсори.

Памятник *Намсонри* в окрестностях г. Асан обнаружен в ходе строительных работ в 1976 г. и исследован отрядом Национального музея Республики Кореи. На местонахождении найдено погребение в виде сложенного из плитняка каменного ящика (2,8 × 0,8–0,9 × 0,7 м), сооруженного в грунтовой яме воронковидной формы (размеры верхней части 3,1 × 1,8 м, глубина 2 м). В верхней части заполнения ямы зафиксировано большое количество камней, вероятно, составлявших насыпь. В заполнении каменного ящика обнаружен древесный тлен – остатки саркофага. Комплекс инвентаря погребения включает ритуальные бронзовые предметы: узколезвийные кинжалы – 9 экз., щитовидное изделие, декоративные накладки на рукоять – 3 экз., одна из них – с изображением косули и зеркала с толстым линейным орнаментом – 2 экз. На памятнике найдены бронзовый кельт, стамеска, нефритовая подвеска *когок* и 103 пронизки [Хан Бёнсам, Ли Гонму, 1977, с. 6–14].

Памятник *Тонсори* открыт в 1978 г. в ходе строительных работ в окрестностях г. Йёсан. Определить конструкцию и точные размеры объекта не представляется возможным ввиду сильных разрушений. По косвенным признакам удалось установить, что это был, скорее всего, каменный ящик с земляным полом без дополнительного перекрытия. Судя по большому количеству обломков породы, погребение имело каменную насыпь. Комплекс сопровождающего инвентаря включает бронзовые ритуальные предметы, нефритовые бусины – 126 экз., каменные шлифованные наконечники стрел – 5 экз., вазовидный сосуд с черной лощеной поверхностью и фрагменты сосуда с округлым наlepным валиком на венчике. Ритуальные бронзовые предметы представлены узколезвий-

1

2

3

4

5

ными кинжалами – 9 экз., декоративными накладками на рукоять – 3 экз., изделием в форме дудочки (предположительно деталь головного убора погребенного), зеркалами с толстым и тонким линейным орнаментом и гонгом [Чи Гонгиль, 1978, с. 153–161].

Более сложные по составу комплексы с бронзовыми ритуальными предметами обнаружены на памятниках Тэгонни и Чхонхори (III–II вв. до н.э.) в бассейне р. Йонсанган.

Памятник Тэгонни открыт в 1971 г. в ходе строительных работ. Объект представляет собой погребение в ступенчатой грунтовой яме. Размеры ямы

Инвентарь погребения Кведжондон (Республика Корея) [Ли Чхонгю, 2007] (1); инвентарь погребения Чхонхори (Республика Корея) [Там же] (2); ритуальные предметы вооружения из памятников на севере о-ва Кюсю (Япония) [Итококу рэкисихакубуцукан, 2012] (3); бронзовое зеркало из могильника Хирабару (преф. Фукуока, Япония, коллекция Исторического музея г. Итосима) [Там же] (4); бронзовый колокол *дотаку* из Хацукаяма (преф. Нара) [The Museum..., 2012] (5).

на уровне верхней части составляют $3,3 \times 1,8 \times 0,85$ м, на уровне пола – $2,1 \times 0,8 \times 0,6$ м. В восточной части ямы найден массивный фрагмент деревянного предмета размерами $0,9 \times 0,45$ м – вероятно, остатки саркофага. Комплекс сопровождающего инвентаря включает ритуальные бронзовые предметы: узколезвийные кинжалы – 3 экз., зеркала с тонким линейным орнаментом – 2 экз., 2- и 8-конечные бубенчики – 4 экз. Здесь же обнаружены бронзовый кельт и долото [Чо Хёнджон, Чан Джегын, 1996, с. 567–571].

Памятник Чхонхори открыт в 1987 г. в ходе строительных работ в одной из деревень у. Хампхён. На месте обнаружения объекта отрядом Государственного музея Кванджу проведены спасательные работы. Установлено, что объект представляет собой погребение в грунтовой яме воронковидной формы ($2,6 \times 0,9$ м) с каменным ящиком ($1,9 \times 0,55 \times 0,55$ м). На полу погребения обнаружен древесный тлен – предположительно остатки деревянного саркофага. Судя по большому количеству обломков камня в заполнении ямы, над погребением была насыпь. Комплекс сопровождающего инвентаря состоит из 26 предметов (см. рисунок, 2). К категории ритуальных бронзовых изделий относятся узколезвийные кинжалы с декоративными навершиями – 2 экз., кинжал китайского типа с рукоятью *тосигом*, клевцы – 3 экз., втульчатый наконечник копья, навершия жезла в форме колокольчика, 1-, 2- и 8-конечный бубенчики – 3 экз., зеркала с тонким линейным орнаментом – 3 экз. В погребении найдены также бронзовый кельт, долото и две стамески [Там же, с. 571–577].

В 1989 г. в ходе распахки территории для посадки сельскохозяйственных культур в у. Пуё пров. Чхунчхон-намдо открыт комплекс Хапсонни. На месте его обнаружения сотрудниками Государственного музея Пуё были проведены спасательные археологические работы, однако установить детали его конструкции в ходе этих работ не удалось: объект оказался практически полностью разрушен. По предположению исследователей, это было одиночное захоронение в деревянном саркофаге или грунтовой яме без дополнительных конструкций, перекрытое сверху каменной насыпью. Собранный в ходе спасательных работ комплекс ритуальных бронзовых изделий включает узколезвийные кинжалы – 2 экз., клевец, колокольчики –

2 экз., фрагменты дисковидного предмета, фрагменты зеркала с геометрическим орнаментом, выполненным тонкими линиями, и предмет непонятного назначения, по виду напоминающий вотивный клевец. В комплекс связанного с объектом инвентаря также входят два железных кельта и стамеска, фрагменты чернолощеной керамики, а также восемь нефритовых пронизок [Ли Гонму, 1990, с. 25–30].

В последние годы на Корейском п-ове было открыто еще несколько комплексов с ритуальными бронзовыми предметами. В 2014–2015 гг. в ходе спасательных археологических раскопок на памятнике Хоамдон, расположенном в черте г. Чхунджу, пров. Чхунчхон-пукто, сотрудниками Центра по изучению культурного наследия Центральной Кореи исследовано три погребения. Одно из этих погребений, содержащее наибольшее количество инвентаря, представляет собой грунтовую яму воронковидной формы размерами 1,75 × 0,82 м, глубиной 1,75 м. О наличии некогда в яме деревянного саркофага свидетельствует найденный на ее полу древесный тлен. С учетом многочисленных обломков камня в заполнении ямы можно предполагать, что над погребением была сооружена насыпь. Комплекс погребального инвентаря составляют ритуальные бронзовые изделия (узколезвийные кинжалы – 7 экз., зеркало с тонким линейным орнаментом, клевец, втульчатые наконечники копья – 3 экз.), бронзовые орудия труда (кельт, долото – 4 экз., стамески – 2 экз.), сосуд с черной лощеной поверхностью и фрагмент фарфорового предмета [Ким Муджун и др., 2017, с. 35–67].

В 2015 г. в у. Пуё пров. Чхунчхон-намдо отрядом Национального научно-исследовательского института культурного наследия Пуё изучен памятник *Чхонсонни*. Установлено, что объект представляет собой сильно разрушенное одиночное захоронение в грунтовой яме (на момент исследования размеры 1,64 × 0,8 × 0,2 м), возможно, с деревянным саркофагом. Каменная насыпь над погребением или вокруг него отсутствовала, однако предположить ее наличие позволяют три куса плитняка, находившиеся вблизи одной из стенок ямы. Пол ямы без дополнительных конструкций. В погребении и за его пределами обнаружены артефакты из бронзы, нефрита и камня (31 экз.). Комплекс ритуальных изделий из бронзы включает узколезвийный кинжал, декоративные навершия кинжалов – 2 экз., втульчатые наконечники копий – 4 экз., зеркало с тонким линейным орнаментом, навершие жезла. В комплексе инвентаря имеются также бронзовые орудия труда (кельт, долото и 2 стамески), украшения (14 нефритовых пронизок) и 4 каменных наконечника стрел [Ли Джухон и др., 2017, с. 44–45, 58–96, 112–130, 141–181].

Таким образом, комплекс ритуальных бронзовых предметов, обнаруженных на Корейском п-ове, де-

лится на две категории: к первой относятся оружие и сопутствующие предметы (узколезвийные кинжалы, втульчатые копья, клевцы, накладки на рукоять), ко второй – предметы ритуальной атрибутики и костюма (зеркала, гонги, колокольчики, бубенчики, щитовидные изделия, изделия в форме дудочки, навершия жезлов). Все артефакты связаны со сложными по конструкции одиночными погребениями в глубоких ступенчатых грунтовых ямах с деревянным саркофагом и каменной насыпью. Судя по конструкции захоронения и составу погребального инвентаря, такие погребения предназначались для лиц, имевших высокий социальный статус и выполнявших важную роль в общинных ритуалах.

Бронзовые ритуальные предметы в Японии

Самые ранние бронзовые ритуальные предметы в Японии, называемые изделиями корейского типа, зафиксированы на севере о-ва Кюсю. Время их появления здесь соответствует концу раннего – началу среднего этапа культуры яёй (середина III в. до н.э.). Представляют интерес находки из погр. 3 могильника Ёситакаэ-Такаки, преф. Фукуока. На территории грунтового могильника, который является частью комплекса Иимори, обнаружено большое количество погребений в керамических сосудах и деревянных саркофагах. Подобное сочетание погребальных конструкций характерно для данного периода. Погребение 3 представляет собой захоронение в грунтовой яме с деревянным саркофагом. Оно содержало самый богатый инвентарь: 2 бронзовых узколезвийных кинжала, клевец, втульчатый наконечник копья, зеркало с тонким линейным орнаментом, нефритовую подвеску *магатама* и 95 яшмовых бусин-пронизок [Ёситакаэ-такаки, 1986, с. 8]. По мнению К. Мидзогучи, погребенный в нем человек имел особый статус, поскольку по инвентарю захоронение отличается от других могил. Зеркало и многочисленные бусины, вероятно, составлявшие ожерелье, можно считать маркерами религиозного авторитета, несколько предметов оружия – общинного лидерства или авторитета [Mizoguchi Koji, 2002, p. 154]. В период яёй многие сферы жизни были ритуализированы. Если в период дзёмон главным отражением ритуального содержания была керамика, то в период яёй – изделия из металла, прежде всего из бронзы.

Такой же, как в погр. 3, набор предметов (бронзовые узколезвийные кинжалы, втульчатые наконечники копий, зеркала с тонким линейным орнаментом, нефритовые подвески *магатама*), обнаружен в погребениях в керамических сосудах на могильнике Уки-Кундэн, преф. Сага [Хангукса, 1997, с. 314–315]. Памятник отнесен исследователями к среднему яёй [The Cambridge History..., 1993, p. 275]. Бронзовые мечи

корейского производства зафиксированы на памятниках Окамото-тё и Касуга в преф. Фукуока, а также Ясунагата и Тосу в преф. Сага.

Представленный в некоторых погребениях набор, состоящий из бронзового зеркала, кинжала или меча, а также подвесок *магатама*, с точки зрения некоторых ученых, по составу имеет сходство с появившимися позже символами власти – «тремя регалиями» [Ibid., p. 274]. Поскольку указанные погребения атрибутируются периодом оформления государственных образований, борьбы за власть, существования нескольких политических центров на Кюсю и на юго-западе Хонсю, можно предположить, что данный набор предметов – признак формирования особых символов – ритуальных атрибутов. Упоминание о зеркале, мече и яшмовых подвесках как символе императорской власти содержится в «Нихонсёки», одном из древнейших письменных источников: богиня Амаэрасу дала их первому императору Ниниги-номикото, своему внуку, когда он был послан на землю [Нихонсёки, 1997, с. 128]. Впоследствии зеркало стало важнейшей реликвией храма Исэ, главного храма богини Амаэрасу, меч – реликвией храма Ацуга, яшмовые подвески считаются талисманами императорского дома.

Бронзовые ритуальные предметы, найденные на ранних памятниках о-ва Кюсю, обнаруживают с корейскими прототипами как сходство, так и существенные различия. На Корейском п-ове бронзовые узколезвийные предметы вооружения в погребениях в керамических сосудах не известны. На территории Японии бронзовые изделия корейского типа находят как в типичных для Корейского п-ова погребениях с деревянным саркофагом, так и в погребениях в урнах, причем последний тип захоронений является преобладающим. Сопровождающий инвентарь погребений с бронзовыми ритуальными предметами на японских памятниках включает узколезвийные кинжалы, клевцы, втульчатые наконечники копий и зеркала с тонким линейным орнаментом (см. рисунок, 3). Представленные на корейских памятниках колокольчики, бубенчики и навершия жезлов в памятниках раннего периода яёй отсутствуют.

Литейные формы для изготовления бронзовых узколезвийных кинжалов, обнаруженные на памятниках Кацума и Отани в преф. Фукуока, Содза в преф. Сага, втульчатые наконечники копий – на памятниках Содза и Ёситаке-Такаки в преф. Фукуока, и клевцы – на памятнике Набэсима в преф. Сага, свидетельствуют о том, что на о-ве Кюсю сформировался центр бронзолитейного производства, специализировавшийся на изготовлении предметов корейского типа [Хангукса, 1997, с. 314]. Таким образом, ранние культурные контакты населения Кореи и Японии в эпоху палеометалла проявлялись не только в форме мигра-

ций и прямого заимствования отдельных элементов культуры, но и заимствования новых технологий.

Дальнейшая трансформация бронзовых кинжалов и наконечников копий корейского типа на территории Японии связана с увеличением размеров и ширины лезвийной части. Это, по-видимому, соответствовало задачам их совершенствования в качестве ритуально-церемониальных предметов [Чо Чинсон, 2016, с. 136]. Следует отметить, что в Корее узколезвийные предметы вооружения также вошли в категорию ритуальных, но их пропорции с течением времени не изменялись. С морфологическими преобразованиями, по-видимому, трансформировалась роль этих предметов в ритуале: они представлены не только в погребениях, но и в виде кладов [Миядзато Осаму, 2012, с. 3].

В начале позднего яёй комплекс ритуальных бронзовых предметов японских памятников включал зеркала не корейского, а ханьского типа. Одно из самых известных и значительных местонахождений бронзовых зеркал – могильник Хирабару на севере о-ва Кюсю (см. рисунок, 4) [Харада Дайроку..., 2011, с. 34]. В погребальной камере кург. № 1 найдено большое количество инвентаря, прежде всего бронзовых зеркал и бусин *магатама*. По фрагментам реконструированы 40 зеркал, самое крупное в диаметре достигает 46,5 см и весит ок. 8 кг [Итококу рэкисихакубуцукан, 2012, с. 26]. Одна часть зеркал относится к предметам китайского импорта, другая – к изделиям местного производства. Таким образом, корейские прототипы зеркал заменяются, по-видимому, более престижными – китайскими (ханьскими).

Среди бронзовых ритуальных предметов корейского происхождения наиболее широкое распространение со среднего – позднего яёй на территории Японии получили колокола. Условия нахождения, разнообразие размеров и декоративных элементов колоколов *дотаку* позволяют сделать вывод об их самостоятельной ритуальной функции, не связанной с погребальной практикой (см. рисунок, 5). Колокола *дотаку* чаще всего представлены единично или как «клады» – скопления нескольких десятков колоколов, находящиеся за пределами поселений и не сопровождающиеся никакими сооружениями.

Заключение

Исследование ритуальных бронзовых изделий, найденных на памятниках эпохи палеометалла на территории Кореи и Японии (IV в. до н.э. – III в. н.э.), позволило определить основные этапы и формы взаимодействия двух культур в указанную эпоху. На раннем этапе эпохи палеометалла бронзовые изделия в Корее и Японии тесно связаны с погребальным обрядом: находки приурочены к одиночным погребени-

ям. Такие погребения, по-видимому, принадлежали людям высокого социального статуса. Большая степень сходства материалов и географическая близость их ареалов позволяет предполагать, что в рассматриваемое время происходили миграции отдельных групп населения из юго-западной части Корейского п-ова на запад Японского архипелага. Эти перемещения, по-видимому, способствовали трансляции новых технологий. Технология производства бронзовых ритуальных предметов получила на территории Японии собственное развитие. На основе корейских, а затем и китайских прототипов здесь создавались новые формы изделий. Роль этих предметов в ритуальных практиках также изменялась: постепенно утрачивалась их связь с погребальным обрядом и индивидуальным социальным статусом погребенного и, напротив, возрастало значение в общинных ритуалах и культах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00507).

Список литературы

Бутин Ю.М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.

Ёситака-такаки. Яёйдзидай маисо:исэки-но тё:сагайё (Краткий отчет об исследовании погребальных памятников периода яёй). – Фукуока: Нисинихонсимбун инсацу, 1986. – 24 с. (на яп. яз.).

Итококу рэксисхакубуцукан (Музей истории Итококу). – Итосима: Дэйсудзяпан кабусики кайся, 2012. – 80 с. (на яп. яз.).

Кан Инук, Чхон Сонхэн. Анализ материалов памятников с узкими бронзовыми кинжалами с территории российского Приморья // Хангук сангоса хакпо (Древняя история Кореи). – 2003. – № 42. – С. 1–34 (на кор. яз.).

Ким Муджун, Ли Сонъён, Со Джунсон, Ли Мёнсу. Чхунджу чонхап спочхы таун чосон пуджи нэ Чхунджу Хоамдон юджок (Памятник Хоамдон, расположенный на участке, отведенном под сооружение спорткомплекса в г. Чхунджу). – Чхонджу: Центр по изуч. культур. наследия Центральной Кореи, 2017. – 897 с. (на кор. яз.).

Ли Гонму. Комплекс артефактов местонахождения Хапсонни в уезде Пуё // Когохак джи (Сборник статей по археологии). – 1990. – № 2. – С. 23–67 (на кор. яз.).

Ли Джухон, Ли Сонджун, Хон Бальгым, Ан Соман, Ким Сонтхэ, Ли Гаён. Пуё Чхонсонни юджок (Памятник

Чхонсонни в у. Пуё). – Пуё: Нац. ин-т культур. наследия Пуё, 2017. – 195 с. (на кор. яз.).

Ли Чхонгю. Ранний железный век // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Сахве пхённон, 2007. – С. 107–136 (на кор. яз.).

Ли Ынчхан. Исследование материалов культуры бронзового века памятника Кведжондон в г. Тэджон // Асеа ёнгу (Изучение Азии). – 1968. – Т. 11, № 2. – С. 75–99 (на кор. яз.).

Миядзато Осаму. Бронзовые изделия периода яёй и формирование государственности на Японском архипелаге // Тонъянхак (Востоковедение). – 2012. – № 51. – С. 1–12 (на кор. яз.).

Нихонсёки. Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1. – 496 с.

Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на реке Майхэ (Приморье) // СА. – 1960. – № 3. – С. 282–288.

Хан Бёнсам, Ли Гонму. Намсонни согванмё (Погребение в каменном ящике Намсонни). – Сеул: Нац. музей Республики Кореи, 1977. – 70 с. (на кор. яз.).

Хангукса – чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: культура бронзы и железа). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве, 1997. – Т. 3. – С. 7–322 (на кор. яз.).

Харада Дайроку. Сёва-о какэта кокогакуся (Харада Дайроку) (Археология эпохи Сёва (Харада Дайроку)). – Итосима: Дэйсудзяпан кабусики кайся, 2011. – 60 с. (на яп. яз.).

Чи Гонгиль. Комплекс бронзовых изделий из погребения в каменном ящике Тонсори в окрестностях г. Йёсан // Пэкче ёнгу (Исследования культуры Пэкче). – 1978. – № 9. – С. 151–181 (на кор. яз.).

Чо Хёнджон, Чан Джегын. Погребения в каменном и деревянном ящике района Чоннам // Чоннам-ый кодэ мёдже (понмун) (Древние погребения пров. Чолла-намдо). – Мокпхо: Музей Университета Мокпхо, 1996. – С. 567–580 (на кор. яз.).

Чо Чинсон. Время и пути проникновения культуры узколезвийных бронзовых кинжалов на Японский архипелаг // Кодэ тонбуга минджог-ый кого-ва ёкса (История и археология народов Восточной Азии в древности). – Сеул: Ун-т Кёнхи, 2016. – С. 133–158 (на кор. яз.).

Mizoguchi Koji. An archaeological history of Japan: 30.000 BC to AD 700. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2002. – 274 p.

The Cambridge History of Japan. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 310 p. – (Ancient Japan; vol. 1).

The Museum, Archaeological Institute of Kashihara, Nara prefecture. – Kashihara: Kashihara museum, 2012. – 18 p.

Материал поступил в редколлегию 11.02.19 г.